

К 150-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ФЕДОРА СОЛОГУБА

КЛАССИК СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА РУССКОЙ ПОЭЗИИ: ОТ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

В советской школе даже вдумчивые отличники (не зубрили) и любители поэзии почти ничего не знали о Сологубе и обычно путали его с графом Владимиром Соллогубом (1814—1882 гг.), писателем-прозаиком, автором знаменитого «Тарантаса». — Ибо избранные произведения графа, хотя и не популяризовались, но иногда издавались. Даже в центральных издательствах.

Дело в таком разном отношении вовсе не имело главлитовской «политподоплеки», хотя бы граф Соллогуб если и служил на Кавказе в комиссии по преобразованию тюрем и сочинял «Дневник Высочайшего пребывания за Дунаем», но это все было давно, а вот Федор Сологуб — псевдоним Федора Кузьмича Тетерникова, родившегося в 1863 году, творил в пред- и междуреволюционные годы, а его имя — по «приговору» знаменитой комиссии Луначарского — Крупской — было отнесено к группе таких писателей, как В. Розанов, Д. Мережковский, П. Флоренский, А. Ремизов, А. Белый.

Во всяком случае самый его знаменитый роман «Мелкий бес» после 1933 года до наших дней, если не ошибаюсь, издавался только один раз в годы хрущевской оттепели в Кемеровском издательстве. — Кажется, но где-то в тех краях.

Между тем, им были написаны и изданы многочисленные книги прозы и поэзии : сборники стихов (1896 и 1904 гг.), романы «Тяжелые сны» (1896) и «Мелкий бес» (1907), сборники рассказов «Тени» (1906), «Жало смерти» (1904), «Книга сказок» (1900), «Политические сказочки» (1906), «Истлевающие личины» (1907), сборники стихов «Родине» (1906) и «Змий» (1907), мистерия «Литургия мне» (1907) и другие.*

...Помню первую свою «встречу» с творчеством Федора Сологуба. Это и был роман «Мелкий бес» — дореволюционного издания, приобретенный мною в начале 1970-х годов в тульской «Буккниге», тогда удивительно богатой на книжные раритеты. Прочитал его на одном дыхании за вечер и ночь.

Чуть позже прочитал книгу стихов Сологуба, изданную в серии «Библиотека поэта». — В читальном зале Тульской областной библиотеки, посвятив этому целый день: от открытия до закрытия библиотеки.

Существенно, что творчество Федора Сологуба не только попало в «проскрипционные» списки Луначарского — Крупской, но и дореволюционный Словарь Брокгауза — Ефрона не очень одобрительно писал: «...Основным мотивом декадентских стихов и рассказов Сологуба служат жажда смерти, безумие и жестокое мучительное сладострастие. Сологуб владеет сжатым, выразительным языком, одинаково сильным и красочным в стихах и в прозе. Произведения написаны в стиле наиболее «мучительских» произведений Достоевского и «сатанинских» романов Гюисманса; повести и романы Сологуба свидетельствуют о несомненном таланте, принявшем, однако, совершенно болезненное направление в погоне за необычайностью

* Библиография книг Федора Сологуба взята из Энциклопедического словаря Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона.

ощущения. Герои и сюжеты Сологуба — смесь садизма с так называемым в психиатрии навязчивыми идеями».

Мы же скажем проще и короче: в своей прозе Федор Сологуб — прямой последователь Ф. М. Достоевского; именно последователь, а не подражатель... Этим все и сказано.

А в поэзии Федор Сологуб — бесспорный классик Серебряного века русской поэзии конца XIX — начала XX вв. Символизм — понятие многогранное, а в рамках критического реализма расширяет его творческий ареал. Это в полной мере относится к поэзии Сологуба... Чтобы там не говорили литературоведы — от авторов словарных статей у Брокгауза — Ефрона до современных жидких всхлипов того же литературоведения, почти заглушающего в безвременье наших дней, что длятся уже четверть века...

Современная поэзия, мягко говоря, далеко отошла от мощи великого русского и советского стихотворчества. Полагаю, что уважаемый читатель «Приокских зорь» не преминет прочитать и обдумать приводимые ниже стихи Федора Сологуба.

Федор Сологуб

СТИХОТВОРЕНИЯ РАЗНЫХ ЛЕТ

НЮРНБЕРГСКИЙ ПАЛАЧ

Кто знает, сколько скуки
В искусстве палача!
Не брать бы вовсе в руки
Тяжелого меча.

И я учился в школе
В стенах монастыря,
От мудрости и боли
Томительно горя.

Но путь науки строгой
Я в юности отверг,
И вольною дорогой
Пришел я в Нюрнберг.

На площади казнили:
У чьих-то смуглых плеч

В багряно-мглистой пыли
Сверкнул широкий меч.

Меня прельстила алость
Казнящего меча
И томная усталость
Седого палача.

Пришел к нему, учился
Владеть его мечом,
И в дочь его влюбился,
И стал я палачом.

Народною боязнию
Лишенный вольных встреч,
Один пред каждой казнью
Точу мой темный меч.

Один взойду на помост
Росистым утром я,
Пока спокоен дома
Строгий судия.

Свяжу веревкой руки
У жертвы палача.
О, сколько тусклой скуки
В сверкании меча!

Удар меча обрушу,
И хрустнут позвонки,
И кто-то бросит душу
В размах моей руки.

И хлынет ток багряный,
И, тяжкий труп влача,
Возникнет кто-то рдяный
И темный у меча.

Не опуская взора,
Пойду неспешно прочь
От скучного позора
В мою дневную ночь.

Сурово хмурия брови,
В окошко постучу,
И дома жажда крови
Приникнет к палачу.

Мой сын покорно ляжет
На узкую скамью.
Опять веревка свяжет
Тоску мою.

Стенания и слезы,—
Палач — везде палач.
О, скучный плеск березы!
О, скучный детский плач!

Кто знает, сколько скуки
В искусстве палача!
Не брать бы вовсе в руки
Тяжелого меча!

СУДЬБА

Родился сын у бедняка.
В избу вошла старуха злая.
Тряслась костлявая рука,
Седые космы разбирая.

За повитухиной спиной
Старуха к мальчику тянулась
И вдруг уродливой рукой
Слегка щеки его коснулась.

Шепча невнятные слова,
Она ушла, стуча клюкою.
Никто не понял колдовства.
Прошли года своей чредою,—

Сбылось веленье тайных слов:
На свете встретил он печали,
А счастье, радость и любовь
От знака темного бежали.

15 декабря 1889 г.

ИРИНА

Помнишь ты, Ирина, осень
В дальнем, бедном городке?
Было пасмурно, как будто
Небо хмурилось в тоске.

Дождик мелкий и упорный
Словно сетью заволок
Весь в грязи, в глубоких лужах
Потонувший городок.

И тяжелым коромыслом
Надавлив себе плечо,
Ты с реки тащила воду:
Щеки рдели горячо...

Был наш дом угрюм и тесен,
Крыша старая текла,
Пол качался под ногами,
Из разбитого стекла

Веял холод: гнулось набок
Полусгнившее крыльцо...
Хоть бы раз слова упрёка
Ты мне бросила в лицо!

Хоть бы раз в слезах обильных
Излила невольно ты
Накопившуюся горечь
Беспощадной нищеты!

Я бы вытерпел упрёки
И смолчал бы пред тобой,
Я, безумец горделивый,
Не поладивший с судьбой,

Так настойчиво хранивший
Обманувшие мечты
И тебя с собой увлекший
До страданий нищеты.

Опускался вечер темный
Нас измучившего дня,—
Ты мне кротко улыбалась,
Утешала ты меня.

Говорила ты: «Что бедность!
Лишь была б душа сильна,
Лишь была бы жаждой счастья
Воля жить сохранена».

И опять, силен тобою,
Смело я глядел вперед,
В тьму зловещих испытаний,
Угрожающих невзгод.

И теперь над нами ясно
Вечереют небеса.
Это ты, моя Ирина,
Сотворила чудеса.

1—22 октября 1892 г.

* * *

Я — бог таинственного мира,
Весь мир в одних моих мечтах,
Не сотворю себе кумира
Ни на земле, ни в небесах.

Моей божественной природы
Я не открою никому.
Тружусь, как раб, а для свободы
Зову я ночь, покой и тьму.

28 октября 1896 г.

* * *

Друг мой тихий, друг мой дальний.
Посмотри,—
Я холодный и печальный
Свет зари.

Я напрасно ожидаю
Божества,
В бледной жизни я не знаю
Торжества.

Над землею скоро встанет
Ясный день,
И в немую бездну канет
Злая тень,—

И безмолвный, и печальный,
Поутру,
Друг мой тайный, друг мой дальный,
Я умру.

1898 г.

* * *

Скучная лампа моя зажжена,
Снова глаза мои мучит она.

Господи, если я раб,
Если я беден и слаб,

Если мне вечно за этим столом
Скучным и скудным томиться трудом,

Дай мне в одну только ночь
Слабость мою превозмочь

И в совершенном созданье одном
Чистым навеки зажечься огнем.

26 августа 1898 г.

* * *

Недотыкомка серая
Вокруг меня вьется да вертится,—
То не Лихо ль со мною очертится
Во единый погибельный круг?

Недотыкомка серая
Истомила коварной улыбкою,
Истомила присядкою зыбкою,—
Помоги мне, таинственный друг!

Недотыкомку серую
Отгони ты волшебными чарами,
Или наотмашь, что ли, ударами,
Или словом заветным каким.

Недотыкомку серую
Хоть со мной умертви ты, ехидную,
Чтоб она хоть в тоску панихидную
Не ругалась над прахом моим.

1 октября 1899 г.

* * *

Воля к жизни, воля к счастью, где же ты?
Иль навеки претворилась ты в мечты
И в мечтах неясных, в тихом полусне,
Лишь о невозможном возвещаешь мне?

Путь один лишь знаю, — долог он и крут,
Здесь цветы печали бледные цветут,
Умирает без ответа чей-то крик,
За туманом солнце скрыто, — тусклый лик.

Утомленьем и могилой дышит путь, —
Воля к смерти убеждает отдохнуть
И от жизни обещает уберечь.

Холодна и однозвучна злая речь,
Но с отрадой и с надеждой внемлю ей
В тишине, в томленье неподвижных дней.

1901 г.

* * *

Когда я в бурном море плавал
И мой корабль пошел ко дну,
Я так воззвал: «Отец мой, Дьявол,
Спаси, помилуй, — я тону.

Не дай погибнуть раньше срока
Душе озлобленной моей, —
Я власти темного порока
Отдам остаток черных дней».

И Дьявол взял меня и бросил
В полуистлевшую ладью.
Я там нашел и пару весел,
И серый парус, и скамью.

И вынес я опять на сушу,
В больное, злое житие,
Мою отверженную душу
И тело грешное мое.

И верен я, отец мой Дьявол,
Обету, данному в злой час,
Когда я в бурном море плавал
И ты меня из бездны спас.

Тебя, отец мой, я прославлю
В укор неправедному дню,
Хулу над миром я восставлю,
И, соблазняя, соблазню.

23 июля 1902 г.

* * *

Люби меня ясно, как любит заря,
Жемчуг рассыпая и смехом горя.
Обрадуй надеждой и легкой мечтой
И тихо погасни за мгливой чертой.

Люби меня тихо, как любит луна,
Сияя бесстрастно, ясна, холодна.
Волшебством и тайной мой мир освети,—
Помедлим с тобою на темном пути.

Люби меня просто, как любит ручей,
Звеня и целуя, и мой и ничей,
Прильни и отдайся, и дальше беги.
Разлюбишь, забудешь — не бойся, не лги.

14 июля 1904 г., Сиверская

ЧЕРТОВЫ КАЧЕЛИ

В тени косматой ели,
Над шумною рекой
Качает черт качели
Мохнатою рукой.

Качает и смеется,
 Вперед, назад,
 Вперед, назад,
Доска скрипит и гнется,
О сук тяжелый трется
Натянутый канат.

Снует с протяжным скрипом
Шатучая доска,
И черт хохочет с хрипом,
Хватаясь за бока.

Держусь, томлюсь, качаюсь,
 Вперед, назад,
 Вперед, назад,
Хватаюсь и мотаюсь,

И отвести стараюсь
От черта томный взгляд.

Над верхом темной ели
Хохочет голубой:
«Попался на качели,
Качайся, черт с тобой!»

В тени косматой ели
Визжат, кружась гурьбой:
«Попался на качели,
Качайся, черт с тобой!»

Я знаю, черт не бросит
Стремительной доски,
Пока меня не скосит
Грозный взмах руки,

Пока не перетрется,
Крутясь, конопля,
Пока не подвернется
Ко мне моя земля.

Взлечу я выше ели,
И лбом о землю трах!
Качай же, черт, качели,
Все выше, выше... ах!

14 июня 1907 г.

РОССИЯ

Еще играешь ты, еще невеста ты.
Ты, вся в предчувствии высокого удела,
Идешь стремительно от роковой черты,
И жажда подвига в душе твоей зардела.

Когда поля твои весна травой одела,
Ты в даль туманную стремишь свои мечты,
Спешишь, волнуешься, и мнешь, и мнешь цветы,
Таинственной рукой из горнего предела

Рассыпанные здесь, как дар благой тебе.
Вчера покорная медлительной судьбе,
Возмущена ты вдруг, как мощная стихия,

И чувствуешь, что вот пришла твоя пора,
И ты уже не та, какой была вчера,
Моя внезапная, нежданная Россия.

1915 г.

РАСТОЧИТЕЛЬ

Измотал я безумное тело,
Расточитель дарованных благ,
И стою у ночного предела,
Изнурен, беззащитен и наг.

И прошу я у милого бога,
Как никто никогда не просил:
— Подари мне еще хоть немного
Для земли утомительной сил.

Огорченья земные несносны,
Непосильны земные труды,
Но зато как пленительны весны,
Как прохладны объятья воды!

Как пылают багряные зори,
Как мечтает жасминовый куст,
Сколько ласки в лазоревом взоре
И в лобзании радостных уст!

И еще вожденней лобзанья,
Ароматней жасминных кустов
Благодатная сила мечтанья
И певучая сладость стихов.

У тебя, милосердного бога,
Много славы, и света, и сил.
Дай мне жизни земной хоть немного,
Чтоб я новые песни сложил!

13 июня 1917 г., Княжьино, под Костромой

* * *

Влачится жизнь моя в кругу
Ничтожных дел и впечатлений,—
И в море вольных вдохновений
Не смею плыть и не могу.

Стою на звучном берегу,
Где ропщут волны песнопений,
Где веют ветры всех стремлений,
И все чего-то стерегу.

Быть может, станет предо мною,
Одетый пеною морскою,
Прекрасный гость из чудных стран,

И я услышу речь живую
Про все, о чем я здесь тоскую,
Про все, чем дивен океан.

Подборка Якова Шафрана (Тула)